

Сомневайся, ошибайся, но люби!

A woman with light-colored eyes and a slight smile is the central figure. She wears a wide-brimmed straw hat with a white lace band. Her hair is reddish-brown and slightly damp. The background is a beach scene with waves and a clear blue sky. A small black dog is running on the sand to the right.

Ошибка
дамы с собачкой

Роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Счастливый билет

Наталия Миронина
Ошибка дамы с собачкой

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

Ошибка дамы с собачкой / Н. Миронина — «Эксмо»,
2017 — (Счастливый билет)

В разгар сезона Анна приехала на Рижское взморье. И совсем не за тем, чтобы завести курортный роман. Она приехала... за собственными воспоминаниями. Давным-давно Анна покинула эти места, убежав от любви, которую хотела забыть. Но вина за совершенную когда-то ошибку жгла ее все эти годы, не давала возможности ни с одним мужчиной создать прочные отношения... И вот теперь, предаваясь воспоминаниям и анализируя былое, Анна встречает того самого первого возлюбленного. Случай? Совпадение? Или это судьба дает возможность исправить давнюю ошибку?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миронина Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталия Миронина

Ошибка дамы с собачкой

© Миронина Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

– То есть вы женщина одинокая? – Собеседница посмотрела на Анну сквозь очки в массивной оправе.

Собеседование длилось уже сорок минут, и чем дальше, тем неприятнее становились формулировки.

– Сложно назвать одиноким человека, который имеет дочь, зятя, внуку. – Анна улыбнулась и добавила: – И морскую свинку.

– Вы прекрасно понимаете, о чем идет речь.

– Не понимаю. – Анна честными глазами посмотрела на чиновницу.

– Речь идет о вашем семейном статусе.

– Ах об этом! Да, в браке я не состою.

– Это может быть причиной, по которой вам откажут в визе.

– Жаль.

– Мы должны очень внимательно относиться к тем, кто въезжает к нам в страну...

Анна уже не слушала чиновницу. Та, в своих очках, сером костюме и маленьким платочком на шее, была точной копией тех дам, с которыми Анна уже имела дело в некоторых посольствах. Мало того что они внешне были похожи, но и вели все они себя одинаково, – так, словно с линейкой в руках охраняли вазочку с вареньем. Только потянешься ложкой к вазочке, а они тут как тут – бац, прямо по рукам. И уже не хотелось варенья, потому что можно было съесть конфету или торт, которые с линейкой никто не сторожил. Так случилось и сейчас. «Ну, в конце концов, я проведу отпуск на даче, а осенью поеду в Италию. Там в посольстве никаких проблем. Да и туристов будет не так много, и жара спадет. По музеям похожу», – подумала Анна, улыбнулась посольской чиновнице и произнесла на отличном латышском:

– Прошу прощения, если ко мне нет вопросов, вынуждена откланяться.

Торжествуя небольшую моральную победу и не обращая внимания на даму, Анна легко поднялась, собрала все свои бумаги и вышла из посольства.

Ей было жаль потраченного времени и ехать уже никуда не хотелось. Более того, Анна не понимала, как ей вообще могла прийти такая безумная мысль: все бросить и в разгар сезона отправиться в Юрмалу. С детских лет, которые она провела на их старенькой даче в Лиелупе, Анна знала, что июль на Взморье – это «курортное безумие». «Ну откажут в визе, и слава богу! Огурцы надо засолить, цветами заняться да и просто вечером на собственной веранде с книжкой посидеть. А то ведь времени на это не хватает!» – еще раз успокоила себя Анна.

Выйдя из прохладного здания на летний солнцепек, она на минуту замешкалась. Час был сравнительно ранним, день свободным, а потому спешить не хотелось. Анна прошла по переулку, вывернула на Мясницкую улицу и направилась на бульвар. «Если ты хочешь узнать город, то должен посмотреть на него в будни, часов в одиннадцать утра. Вот как сейчас!» – думала она. И действительно, московский воздух был свеж, бульвар просторен и на его скамеечках не было праздных личностей с пивом, не галдели туристы, не высыпали на обеденный перерыв служащие близлежащих контор. В этот час было уютно, чисто и как-то особенно спокойно. Анна шла и старалась не особенно расстраиваться. Эту поездку на море она планировала давно. И долго. Анна каждый год собиралась посмотреть родные места, но обязательно случалось что-то, что переворачивало все планы. И вот сейчас, когда уже прошло тридцать два года, когда откладывать задуманное было глупо, да и страшно, вот именно сейчас оказалось, что ее семейное положение может быть помехой планам. «Это просто смешно! – возмущалась про себя Анна. – Можно подумать, я молодая женщина, кото-

рая норовит выскочить замуж за латыша и получить гражданство! Нет, конечно, это с некоторой точки зрения лестно. Но и глупо! А как хочется оказаться там, на море...» Анна сокрушалась, но то обстоятельство, что долгие годы планы оставались лишь планами, что ничего реального за ними не маячило, не предпринималось никаких конкретных шагов, не позволяло возможному консульскому отказу превратиться во что-то фатальное. «А, ладно! До сих пор не съездила, значит, не судьба!» – наконец уговорила себя Анна. Она дошла до конца бульвара и тем самым поставила точку в огорчениях.

– Ну, как наши «соседи»? Милостивы были к просителям?! – В вопросе чувствовалась насмешка. Дочь Наталья не понимала материнского стремления посетить места детства и юности.

– Увы, они сочли меня слишком молодой. Побоялись, что я закручу там роман. И останусь в их стране, выйдя замуж.

– Это же отлично! – рассмеялась Наталья.

– Что именно?

– Что ты еще производишь такое впечатление, мама.

– Ах да мне какая разница!

– Большая, ты просто еще это и не осознала. – Наталья что-то выхватила из холодильника и быстро проглотила.

– Подожди, я тебя сейчас покормлю.

– Нет, спасибо, я не голодная, – отмахнулась дочь.

Никто из домашних никогда не видел Наталью сидящей за столом перед тарелкой. Она предпочитала есть на ходу, на бегу, стоя. Чем безумно раздражала мать.

– И потом, мам, посуди сама, – Наталья опять нырнула с головой в холодильник, – сама подумай, зачем платить деньги недружественной стороне. Причем настолько недружественной, что она позволяет себе ремарки по поводу твоего семейного положения. Это прямое вмешательство в личную жизнь. Ты же туда поедешь, потратишь свои сбережения, а они перед этим тебя еще и унижат.

– Ничего ты не понимаешь, я еду за воспоминаниями, за прошлым, – мечтательно вздохнула Анна. – Я еду по душевной необходимости, а не тратить деньги.

– Видишь ли, в данном случае это все совпадает.

– Наташа, при чем тут все это?! Я хотела всего лишь пройтись по улицам, где жила в детстве и юности, – возмутилась Анна.

– Мама, жизни вне политики быть не может, – назидательно провозгласила дочь, дожевывая украденный из холодильника сырник, и стала прощаться. – Ну пока. Мне надо бежать. Ты не переживай, что-нибудь придумаем мы с твоим отпуском. Хотя я даже не понимаю, отчего так можно расстраиваться. Понимаешь, прошлое – это очень коварная штука. Почти ящик Пандоры.

Анна не смогла сдержать ироничной улыбки. Рассуждения дочери прозвучали очень трогательно и наивно. Впрочем, доля истины в них была.

– Не надо ничего придумывать, – наконец ответила Анна, – проведу отпуск на даче. Дел полно. Вы же думаете, что, кроме шашлыков, там заняться нечем!

– А что, есть?! – почти искренне удивилась дочь.

В действительности Наталья была серьезной и ответственной молодой женщиной. Она ни разу за все время не скинула маленькую дочку на бабушкины руки, умело сочетая работу с воспитанием ребенка и получением высшего образования. На даче, где признанной хозяйкой была Анна, дочь старательно сажала цветы, а мужа заставляла стричь газон.

Анна вздрогнула от громкого хлопка двери – дочь все делала внушительно. Потом подошла к окну и проводила ее взглядом, налила себе большую чашку кофе и устроилась

на диване. Сегодня у Анны был выходной, и он еще не закончился. А потому она с удовольствием мысленно представит, что было бы, если визу бы все-таки дали. Анне вдруг очень захотелось прямо сейчас сесть в поезд, вдохнуть запах угольной смеси, которой до сих пор топят некоторые вагоны, и, прижавшись лбом к холодному стеклу, провожать взглядом проплывающие мимо пейзажи.

Глава первая

Она, они и собака

Анна Петровна Субботина слыла человеком строгим и резким, уважающим прежде всего дисциплину и принципы. Еще Анна Петровна слыла человеком с очень сложным и непредсказуемым характером. Коллеги старались обходить ее стороной. Им казалось, что так они добьются сразу двух целей: избавят себя от неприятностей в виде колких замечаний и насолят той, которая так любит их задевать. Правда, никто из коллег не догадывался, что некоторая изоляция очень устраивает Анну Петровну. Она никогда не стремилась к тесному общению и уж тем более к дружбе. Для откровенных разговоров у нее была одна-единственная подруга Ира Покровская, с которой Анна встречалась раз в месяц, а по телефону разговаривала не чаще одного раза в неделю. С остальными, кто был рядом, она поддерживала поверхностные вежливые отношения. В сложившейся так ситуации была определенная несправедливость: Анна Петровна при всей внешней жесткости была человеком добрым, снисходительным и очень милосердным. А характер ее последней работы на все это отложил свой отпечаток: вышеуказанные свойства усилились и дополнились великодушием и нежностью. Так случается, когда деятельность человека сводит его с природой. Той самой стихией, которая делает душу податливой и восприимчивой к красоте всякого рода. Впрочем, это было внутри, глубоко в душе. Внешне у Анны проскальзывала жесткость нрава, как ни старалась она контролировать поведение.

– Ма, ты мне напоминаешь хирургическую медсестру. Им на работе жалеть людей запрещено. Они жесткие, но милосердные, – как-то сказала ей дочь.

Анна обиделась и высказалась так:

– Ты молода, чтобы такие вещи мне говорить. А самое главное, молода, чтобы такие выводы делать.

После этой фразы последовал трехдневный бойкот. Мать и дочь даже не перезванивались. Третьим судьей выступил зять.

– Наташа, – сказал он жене, – ты должна первая маме позвонить. Ты ее обидела.

– А что я такого сказала?! – искренне удивилась Наташа. – Я, наоборот, похвалила ее!

– Не выдумывай! Ты обвинила ее в жестокосердии. Любому это неприятно слышать, а уж маме и подавно!

Одновременно с уговорами Натальи зять предпринял шаги по смягчению тещи:

– Анна Петровна! Наташа так переживает, что неудачно высказалась! Вы поговорите с ней, она ведь ничего не хотела сказать плохого!

– А вы что, в курсе наших с ней разговоров?! Вы с ней обсуждаете, что между мной и моей дочерью происходит?! – получил в ответ заботливый зять.

– Нет, не обсуждаем... – растерялся тот, – просто нехорошо, когда в семье ссоры.

Вряд ли на Анну Петровну подействовал звонок зятя, скорее всего, взяли верх любовь и снисходительность, да и обида к этому времени улеглась. Анна знала, что дочь у нее выросла хорошая. Так что она позвонила первой, несказанно обрадовав дочь.

Как бы то ни было, с людьми Анна могла сходиться легко, но не усердствовала в этом: одиночество она любила, помимо всего прочего, за возможность быть внимательной к себе.

Когда-то давно она чуть не поссорилась с лучшей и единственной подругой Ирой Покровской.

– Ты с ума сошла?! Ты зачем выходишь замуж за этого Игоря?! – кричала на Анну Ира. – Ты зачем себе жизнь портишь?! И ему заодно?!

– Да почему же порчу?! – спрашивала несвойственным ей неуверенным тоном Анна.

– Да потому! – кричала в ответ Покровская. Подруга никак не могла набраться решимости и сказать, что нельзя выходить замуж только потому, что «уже пора!». И уж тем более нельзя выходить замуж, потому что «удобно».

– Аня, ну хоть немного надо любить! – наконец воскликнула Покровская.

На что Анна, опомнившаяся от растерянности, жестко ответила:

– Можно и без любви. Можно просто по согласию.

Подруга Покровская только развела руками.

Да, замуж по тогдашним меркам Анна выходила поздно – в двадцать шесть лет. И, да, особо не любила она своего будущего мужа.

Окончив университет, она пришла работать по распределению в научно-исследовательский институт. А там сидел он, Игорь, – не особо приметный, тихий, ничем ни выдающийся мужчина тридцати пяти годов от роду.

Нельзя сказать, что Анна стремилась сделать карьеру или выдвинуться по общественной линии (тогда это было очень модно). Анна просто предпочитала делать все основательно, а это требовало времени и усилий. Коллеги быстро поняли, что поручить все неприятное и утомительное можно ей, вчерашней студентке. И она не подведет. Первое время Анне некогда было даже обедать, столько заданий ей давали и столько всего «ответственного» ей поручали. За спиной посмеивались такой безотказности, но вскоре случилось так, что в лаборатории без нее невозможно было решить ни один вопрос, поскольку она, обремененная чужими задачами, теперь знала все и была в курсе всего. Впрочем, эта история обычная, так иногда серенькая тихоня-секретарша становится «генералом».

– Слушай, как ты все успеваешь? – спросил ее однажды тот самый тихий и молчаливый младший научный сотрудник.

– Нет ничего сложного в этом. Составляй план на день, записывай все результаты, будь пунктуален. Меньше времени тратить на разговоры, – отрывисто ответила Анна. Она терпеть не могла этого стандартного «лабораторно-научного» времяпрепровождения – болтовни по разнообразным поводам с глубокомысленным видом.

Младший научный сотрудник пожал плечами и отошел. Анна была достаточно резка, он же легко смущался и пасовал, чувствуя энергичность натуры. «Какого черта я с ним так резко? Человек вроде не приставучий», – подумала тогда Анна. На следующий день она подошла к Игорю и предложила пойти пообедать.

– Я не обедаю, – ответил тот, не отрываясь от осциллографа.

– Почему? – спросила Анна и тут же пожалела. Не в ее правилах было уточнять что-либо.

– Не люблю толчею в столовке. Пристают все с вопросами, галдят.

Это Анна выслушала уже с интересом. Она точно по той же причине не любила это место и старалась туда ходить как можно позже. Впрочем, это не спасало, всегда находились те, кто нависал над столом и начинал рассказывать институтские байки.

– Слушай, давай перекусим у реки. Погода хорошая. Там никого нет. Тихо, – предложила она.

Их институт находился на Воробьевых горах, неподалеку от Ленинского проспекта, на территории старого поместья, со множеством строений в стиле неоклассицизма. Поместье было выстроено еще в девятнадцатом веке и имело все приметы того далекого времени: колонны, портики, балюстрады, круговой подъезд к парадному крыльцу и несколько беседок-ротонд, прилепившихся к высокому берегу Москвы-реки.

– Давай, – согласился Игорь, – только я в магазин сбегаю, куплю что-нибудь.

– Попробуй, – усмехнулась Анна. Все магазины находились на Ленинском проспекте и в них всегда были толпы людей – времена тотального дефицита наступали, но никто не хотел с этим мириться. Гастрономы, мясные, кондитерские – все магазины брались штурмом.

– Не волнуйся, у меня знакомые есть в этой сфере, – неожиданно усмехнулся коллега.

– Тогда жду тебя там. – Анна достала из сумки пакет с бутербродами и вышла из лаборатории.

Это был отличный обеденный перерыв. Они устроились в одной из ротонд – там стояли удобные скамейки, колонны защищали от ветра и любопытных глаз. Анна постаралась создать уют – постелила салфетку, достала пластмассовую тарелку, разложила бутерброды с яйцом и расплавленным сыром. Отдельно положила две ватрушки. Игорь принес из магазина докторской колбасы, яблоки и пакет кефира. Анна и это оформила в лучшем виде.

– А здесь здорово! Никого нет. Только деревья и река. Ешь, давай, а то перерыв закончится! – поторопила она Игоря.

– Вкусно, – одобрительно кивнул тот, откусывая бутерброд с сыром и яйцом.

– Они горячие вкусные, но на природе и так хорошо.

Обед удался не из-за бутербродов. Он удался, потому что было уединенно, уютно, тихо. Шумела желтая листва, ветер с шорохом теребил сухую траву, дымка над рекой успокаивала глаз. Перед ними лежал город, и ни о чем не думалось. На душе был покой.

– Зимой вот только холодно будет здесь сидеть, – вдруг произнес Игорь.

– Зимой? – переспросила Анна.

– Зимой. Или ты больше не хочешь так обедать?

Она пожала плечами – не объяснять же мужчине, что разумная женщина так далеко, за два месяца вперед, не загадывает.

– Да, зимой будет холодно, – ответила Анна и добавила благоразумно: – Но можно же что-то придумать.

Они придумали. Они теперь не только обедали, но и ходили в кино, гуляли по зябким улицам, грелись в пельменных и кафе-стойках.

У Анны не было претензий к судьбе. Да, Игорь не был пробивным, не умел делать научную халтуру, не паял электроприборы соседям. У него не было никаких денег, кроме зарплаты в сто двадцать рублей.

Но у него было огромное достоинство, он точно знал, что любому человеку необходима душевная свобода. «А подобное знание может приравняться к хорошей денежной премии», – усмехалась про себя Анна. Она оценила это его свойство – вовремя замолкать и исчезать.

– Давай в кино чаще ходить, – предложил Игорь, когда наступили настоящие зимние морозы.

И Анна впервые за все время посмотрела на него внимательно. Посмотрела... И «не увидела». Ничего, чтобы бросилось в глаза, чтобы запомнилось – ничего такого не уловил ее глаз. Потом она уже привыкла к этой безликости, усредненности, возведенной в абсолют. А сейчас только отметила выдающуюся «неброскость». Но в кино она пошла. И в конце концов, уже когда наступала весна, Анна поняла, что с ним очень удобно. Игорь никогда не задавал лишних вопросов – ни где она была, ни с кем так долго говорила по телефону, никогда не проявлял ревности. Анна была интересной и многие пытались с ней подружиться, поболтать, пригласить куда-нибудь. Игорь никогда не спрашивал ее о подобных историях.

– Тебе что, все равно – с тобой пойду в кино или с другим? – как-то удивилась она.

– Нет, конечно, – ответил Игорь, нервно дернув плечом.

И Анна поняла, что действительно ему не все равно, но устроен этот человек так, что предоставит другому выбор. «Это что – деликатность или всеобъемлющее равнодушие?» – не раз и не два задавала себе вопрос Анна.

– Мне не все равно, но насильно заставить человека делать то, что ему не нравится, никому еще не удавалось. Вот и я не пытаюсь. Если тебе будет плохо со мной – ты же все равно уйдешь. И если предпочтешь другого – тоже я ничего не смогу сделать, – объяснил Игорь, чувствуя ее недоумение.

– Но это не равнодушие? – уточнила Анна.

– Не думаю, – ответил он.

А вообще с ним было легко. Игорь любил что-то рассказывать, но почти никогда не требовал соучастия, никогда не следил за тем, насколько внимательно слушают его. Анна удивилась, обнаружив это, а потом воспользовалась этим удобством. Так они ходили на своих свиданиях – он что-то обстоятельно рассказывающий, она молчаливая, вся в своих мыслях.

– Может, ты хочешь куда-нибудь сходить потанцевать? Или на концерт? – иногда спохватывался Игорь. – А может, в гости?

– Да нет, – отвечала Анна. Ей действительно никуда не хотелось с ним ходить. Анне хорошо и спокойно было вот так бродить по улицам. Вроде она была не одна, а с другой стороны, особых душевных затрат не требовалось.

– Аня, тебе нравится этот самый Игорь? – спросили как-то приятельницы.

– Я не знаю, вроде он славный такой, – пожалала она плечами.

– Славный? В каком смысле?

– А какое значение может иметь это слово? Славный – и все тут.

– Ну, во всех смыслах – славный? – упорствовали бесцеремонные подружки.

– Во всех, – многозначительно ответила Анна.

С Игорем она переспала неожиданно. Неожиданно и для себя, и для него. В тот вечер они шли в театр, и Игорю необходимо было переодеться.

– Заскочим ко мне. Я быстро, – предложил Игорь и бросился ловить такси.

Когда Анна зашла в квартиру, она с удивлением обнаружила чрезвычайный порядок на книжных полках, чистые, до синевы вымытые, чашки на кухне, полотенца, висящие ровненько, полосочка к полосочке.

– Ты живешь один? – поинтересовалась она, пока Игорь доставал из шкафа костюм.

– Сейчас – да. До этого с бабушкой. Она умерла, – пояснил он спокойно.

– Сколько ей было лет? – спросила Анна, чтобы проявить внимание.

– Для бабушек – немного, – вздохнул Игорь. – Заболела. Онкология.

– Соболезную, – искренне сказала Анна, но застеснялась и принялась рассматривать фотографии и картинки на стене.

– Спасибо. Тяжело все это, – признался Игорь. – Ухаживал я за ней. В последние дни она стала совсем легенькой. Даже странно было, что это взрослый человек.

– А родители? Они не помогали тебе?

– Помогали, – кивнул Игорь. – Они живут на «Курской». Работают тоже. И получают гораздо больше моего. Мы так решили: я отвечаю за уход, они зарабатывают деньги на лекарства и прочее.

Анна совсем другими глазами посмотрела на дом, в который пришла, и на человека, который здесь жил. Они были похожи – без украшательств, без лишних деталей и не то чтобы скромные, но выдержанные. Анна представила жизнь Игоря – строгие рамки долга, глаза в глаза с болезнью, сострадание. Анна еще не стала мудрой, но чутье у нее было хорошее. «Он правильный такой», – подумала она, пожалев Игоря, потом подошла и поцеловала его в щеку.

– Что ты? – удивился тот. Анна всегда вела себя подчеркнуто отстраненно.

– Хорошо у тебя. Спокойно. – Анна отошла от Игоря и забралась на старенький диван. – И как идти никуда не хочется! А вот так бы сидеть и сидеть, – улыбнулась она.

На спектакль, помнится, они так и не попали, провели весь вечер на этом самом диване. Только не сидели, а лежали.

«У него хорошая фигура. И рост. И сильный такой», – пыталась разбудить в себе страсть Анна. Но страсть не отзывалась, и Анна через некоторое время порадовалась, что даже близость может быть такой выдержанной и уравновешенной.

Предложение Игорь сделал так, как делал все – просто и без затей.

– Переезжай ко мне, – предложил он как-то, – и пора заявление в загс отнести.

Анна рассмеялась. Это прозвучало так буднично, что до нее не сразу дошел смысл слов.

– Игорь, ты зовешь меня замуж?

– А что еще в загсе делают? Женятся и разводятся. Мы выбираем первый пункт. Ты согласна быть моей женой? – спохватился он наконец.

– Я? Я тебе скажу через три дня, – серьезно произнесла Анна.

Этот срок – три дня – было чистое кокетство. Анна знала, что согласится.

– Мама, Игорь сделал мне предложение, – позвонила она из Москвы родителям.

Мама, в отличие от подруги Покровской, закричала обрадованно:

– Я рада. Хороший мальчик?

– Мама, он не мальчик. Он взрослый мужчина. Ему почти тридцать шесть лет. Вот-вот исполнится.

– Ну он тебе нравится? – волновалась мама по телефону.

– Мама, не нравился бы, наверное, не встречалась бы, – уклонилась от прямого ответа Анна.

– Аня, а как же этот «спортивный» Денис? Ты же столько о нем рассказывала?! Аня, нехорошо, надо как-то закончить с ним.

Ах да! Был же еще и этот самый Денис. Яркий, можно даже сказать, блестящий, спортивный молодой человек, о котором так любила слушать мама и которого не переваривала подруга Покровская. Анна, при упоминании его имени, тоже только морщилась. «Принцессу вырастили, не иначе!» – говорила в таких случаях мать.

– Мама, с Денисом и заканчивать нечего. У нас ничего и не начиналось.

– Аня, ну, неправда. Вы все-таки встречаетесь. Он куда-то тебя приглашает.

– Это – ерунда, но я объяснюсь с ним. Дружить же никто не запрещал?!

Мама возмущенно ойкнула, а Анна рассмеялась.

* * *

... – Я понимаю, что Денис – не Игорь! Успех написан на его спине, – усмехаясь, любила повторять подруга Покровская, – но, слушай, о чем ты будешь разговаривать с человеком, который бежит с мячом в руках шестнадцать часов в сутки? Ты взвоешь!

– Я не буду с ним разговаривать. Я буду с ним жить. Под одной крышей, – нарочно дразнила Анна подругу. Дениса в качестве мужа Анна даже представить себе не могла.

Анна насмешничала, а сама думала, что окружающие обожают придавать значение вещам самым обыкновенным и невинным. Ничего с этим самым Денисом у нее не было. Просто так получилось, что она часто его встречала по дороге на работу. Молодой человек в яркой куртке, модных кроссовках (страшный дефицит тех дней) попадался ей на глаза либо на большой автостоянке около дома, либо садился в тот же автобус, что и Анна. Через несколько дней они впервые поздоровались.

– Куда? – наконец заговорил он с ней.

– На работу, – улыбнулась Анна. Глядя на него, она не могла не улыбнуться. Денис был весь, как она определила, «мажорный», радостный, жизнеутверждающий.

– Понятно, пчелка!

- Что это значит? – возмутилась было Анна, но спортсмен примирительно улыбнулся.
 - Не хотел обидеть.
 - Я не обиделась. – Анна, против обыкновения, с этим незнакомым человеком уже сказала больше слов, чем с иными знакомыми за годы общения.
 - Правильно. Хочешь посмотреть на мужиков в трусах?
 - Что? – не поняла Анна и вдруг почувствовала, что краснеет.
 - На мужиков в трусах?
 - Не думаю, что это очень интересное зрелище, – сухо ответила она.
 - А если они гоняют тяжелый мяч и пытаются закинуть его в корзину? Тогда как?
 - А сразу нормально нельзя было сказать?
 - Сразу и нормально – это неинтересно, – рассмеялся Денис. – А так я все про тебя понял. Ну так на баскетбол пойдешь со мной? Наши играют.
 - Кто это – наши?
 - Ну как? Динамовцы. Если что – я динамовец. И никакие ковриги меня не заставят играть за другую команду!
 - А ты во что играешь? – Анна указала на набитую спортивную сумку.
 - Тоже в баскетбол. Только сейчас после травмы на «легком» режиме, восстанавливаюсь.
 - Тяжелая травма?
 - Так, растяжение. – Спортсмен махнул рукой. – Ну так что, пойдешь?
 - Пойду, – кивнула Анна.
 - Вот и отлично, а как тебя зовут? Меня – Денис!
- На баскетболе Анне понравилось. Большой спортивный комплекс, огни, радостные азартные люди. Красивые модные девушки – игроки приглашали своих подружек. Ведут себя все раскованно, громко, и такое впечатление, что знают они друг друга сто лет. Да, где-то на других трибунах сидели обычные зрители, они тоже свистели, кричали, хлопали, но здесь, в секторе для «своих», было намного интереснее. Анна была наблюдательной и поняла, что Денис пользуется благосклонностью тренеров и успехом у девушек.
- Ты популярен. – Она улыбнулась Денису.
 - Я хорошо играю, – вдруг совершенно серьезно ответил он, – на меня делают ставку в команде. Вот только нога пройдет, – Денис указал на стянутую эластичными бинтами коленку, – я тоже делаю ставку. Только на себя. Мне многого надо добиться.
 - И чего же? – Анна спросила так, вскользь, поглядывая на площадку, где кипели страсти. Она бы сама никогда не ответила на такой вопрос, потому что искренне считала, что это никого не касается. Но ответ Дениса ее интересовал.
 - Чего добиться? Ну ты ждешь ответа про машину, квартиру, дачу и прочее. Да, мне тоже это надо. Но, видишь ли, почти все это у меня уже есть. Я играю давно, зарабатываю прилично. Нет, я о другом. Понимаешь, я не хочу ни от кого зависеть. Вообще.
 - Так не бывает. – Анне стало скучно. Ответ показался ей банальным.
 - Бывает. Понимаешь, когда я перестану играть, передо мной будет выбор. Работа, образ жизни. Надо будет все начинать заново. И вот в этот момент мне эта самая независимость и понадобится. Мне надо будет двигаться. Движение в нашем деле все – и на моем пути не должно быть преград.
- «Вот попробуй, спроси, что за этими общими словами стоит? – поморщилась Анна и удивилась его жесткому и деловому тону. – Но ведь правильно. Жизнь – это прежде всего движение. И он прав – надо использовать все, чтобы движение не нарушалось. Ну и свобода определенная нужна!»

Какое-то время Анна встречалась сразу с двумя. Тихие камерные свидания с Игорем и яркие, шумные встречи с Денисом. Последний, привыкший к успеху у девушек, пытался ее прилюдно обнимать и целовать. Но Анна старалась с ним держать дистанцию.

– Денис, слушай, не дети, – отстранилась как-то Анна, – что ты в самом деле!

– А что я?

– Ну как подросток в пубертатный период. Кидаешься...

Денис опешил, в ее тоне была досада и никакого девичьего трепета. Все в этой Анне сбивало с толку.

– Слушай, я тебе что, совсем не нравлюсь? Ты все время молчишь, думаешь о чем-то...

– Нравишься, конечно, нравишься, – поспешила заверить его Анна, но про себя подумала, что совместная жизнь с таким человеком чревата большими проблемами. «Мне придется под него подстраиваться. В противном случае это будут сплошные скандалы», – думала она и живо себе представляла возможные ссоры с Денисом. То, что он явно горяч и скор на расправу, она поняла по тому, как он ведет себя с приятелями. И это ее тоже настораживало.

Анна сравнивала двух молодых людей, хотя и понимала, что сравнивать их сложно. С Игорем у нее были отношения, Денис ее развлекал. Но вряд ли семейная жизнь должна быть похожа на аттракцион, рассудила Анна и согласилась стать женой Игоря.

– Денис, я выхожу замуж! – сказала Анна. Они сидели на какой-то игре, куда Анна согласилась пойти после настойчивых уговоров. Ей, уже официальной невесте, не хотелось в тот момент совершать какие-то предосудительные шаги.

– Вот тебе сюрприз! Тихоня такая! Ты бегала на свидания сразу с двумя? Я бы никогда не подумал, что ты так можешь! – присвистнул кавалер.

– Во-первых, свидания у меня были с одним, – постаралась как можно серьезнее уточнить Анна. – Если понимать значение слово «свидание» в традиционном, общепринятом смысле. А во-вторых, я не тихоня и никогда ничего не скрывала. Просто ты не спрашивал. Не интересовался. Ты мог укатить на свои сборы на недели две и даже не сообщить мне об этом. А приехав, как ни в чем не бывало приглашать каждый вечер в кафе или потанцевать. Как я могла понимать эти действия? Или я должна была спрашивать тебя: «Дорогой, ты меня любишь? Мы поженимся? И вообще, дорогой, я в твои планы, хотя бы краткосрочные, вхожу?»

Денис хмыкнул:

– Ну, крыть нечем, конечно, но все равно неприятно. Могла бы предупредить!

– Издеваешься?! – удивилась Анна. – О чем предупредить?

– Ладно, проехали! Так кто замуж-то позвал?

– Коллега.

– Понятно, ученый.

– Ну, в каком-то смысле, да. – Анна как-то никогда не воспринимала Игоря как ученого. И сейчас такая характеристика и позабавила и польстила.

– Ну поздравляю. А чего со мной сегодня пошла?

– Как раз сообщить об этом. У тебя же времени никогда нет. И по телефону не хотелось говорить об этом.

– Для тебя время у меня всегда было, – заметил Денис.

– Да, прости, ты прав. – Анна тотчас согласилась. Денис не врал – для Анны он всегда был свободен. И всегда был готов подъехать, помочь.

– Да, ничего не поделаешь, раз решила так, – проговорил Денис и тут же заорал что-то. Его команда пропустила мяч.

«А он классный парень! Никаких тебе обид, выяснений, претензий!» – подумала Анна с облегчением и поддержала спутника азартным возгласом.

... – Вот им она будет вертеть, – был вердикт знакомых, которые узнали о скорой свадьбе.

Подруга Покровская продолжала морщиться и отговаривать Анну:

– Одумайся! Потом будет поздно! То есть развестись можно всегда, но зачем такие ошибки делать!

Но Анна не слушала подругу и совершенно не собиралась «вертеть» или руководить мужем. Ей всего лишь была необходима та доля свободы, которая позволяет быть независимой в узких семейных рамках. Эта свобода не была связана с проступками, каким-то неблагоприятным поведением, эта свобода распространялась на отказ быть «растворенной» в другом человеке. На личное время, на одиночество, на молчание, на отсутствие объяснений поступков. Эта свобода распространялась на «душевную» независимость и позволяла держать такую необходимую для характера Анны дистанцию. К тому же Анна чувствовала, что тот же самый Денис, при всей его шумности и нежелании вникать в чужие «подробности», потребует от нее не только тела. Он потребует души. Даже если и не особенно в ней нуждается. Денис любил порядок и ясность, а следовательно, душа жены должна быть подотчетна. Анна чувствовала, что не способна на такие жертвы. Ей проще было поделиться телом, но оставить себе эту ношу. Ноша была непроста, тяжела, но отказаться от нее не представлялось возможным. Игорь же если и думал, как Денис, то держал это в себе. Внешне он был подчеркнуто внимательным к ее, Анны, привычкам.

«Я все правильно сделала. Игорь – лучше», – думала про себя Анна.

Родители молодоженов сразу нашли общий язык. Сами молодожены без труда договорились о масштабах бедствия – то есть предстоящей свадьбе.

– Игорь, никакого купечества. Вообще. Распись, обед в узком кругу. Я не потерплю эту дребедень с мишками, куклами и машиной.

– Полностью тебя одобряю, – улыбался Игорь.

Свадьба была очень хорошей.

– По-моему, все прошло отлично. Никто не подрался, не напился вдрызг и не поссорился. Ты довольна? – спрашивал Игорь у Анны и все пытался дотронуться до своей жены.

Она же снисходительно улыбалась. Все произошедшее не вызвало в ней никаких особых эмоций. Радовало только то, что прошло это быстро и без неприятных эксцессов.

После всех мероприятий жизнь вернулась в привычное русло.

– Ты же понимаешь, я только за то, чтобы у вас все было хорошо, но я же знаю тебя! – не утихала Покровская. Она бывала у молодоженов не часто, но наезжала с помпой и размахом – с тортами, пирогами, вином и кучей «умных» разговоров.

Игорь, завидев гостью, улыбался, за столом с дамами сидел минут двадцать, для приличия, а потом оставлял подруг вместе.

– Он все понимает и чувствует. Я это в нем ценю, – говорила Анна.

– Ну да, ну да, – поддакивала с иронией подруга.

В Игоре после свадьбы вдруг проснулась «тихая страсть». Это определение дала Анна, наблюдая за мужем. Он старался не упускать ее из виду, чаще старался прикоснуться к Анне, поцеловать. Он забросил обычай работать дома по вечерам, а все время проводил с Анной, например на кухне, наблюдая, как она готовит, или, если Анна читала, устраивался рядом на диване и, для вида открыв книгу, подсматривал за ней. Если она ловила этот его взгляд, Игорь смущался:

– Я иногда не верю, что сделал тебе предложение. И до сих не верю, что ты – моя жена, – объяснял он, обнимая ее.

– Это потому что не способен на такую решимость? Или я так плоха? – спрашивала Анна, уворачиваясь от мужа.

– Ты хорошая. Очень. Но мне действительно казалось, что я никогда не решусь на такой шаг.

– Но ведь решился. – Анна чувствовала, что мужу хочется поговорить, вслух произнести «жена», «семья». Она понимала, что он упивается своей новой ролью – главы семейства. И она понимала, что Игорь очень любит ее.

– Да, решился, – произносил Игорь и только ловил взглядом ускользающую в недрах их «гнезда» жену.

Анна все понимала про эмоции мужа, но ответить на них не могла. Как только они расписались, как только в паспорте появился штамп, как только миновали первые недели и месяцы семейной жизни, она сникла. И никакие усилия не помогали объяснить эту тоску-кручину, которая была даже написана на ее лбу. «Неужели Покровская была права?! Как я сама не смогла разобраться во всем?!» – думала иногда Анна.

Жизнь шла. Муж Игорь был идеален. Его поведение после брака почти не изменилось – все так же тих, спокоен, заботлив. Пока Анна не забеременела, он был еще и изобретательным любовником.

– Просто какой-то ангел во плоти, – заметила одна приятельница Анны.

«Для ангела слишком ненасытный», – подумала про себя Анна. Отношение к мужу она не переменила – благодарность за покой, благодарность за понимание, благодарность за любовь.

– Этот брак будет прочен! – радовались ее родители.

Действительно, отчего бы браку с таким тихим, внимательным и понимающим человеком не быть устойчивым и надежным? Рассуждающие на эту тему забывали об одном: о необходимом равновесии. При несоблюдении его конструкция опрокидывается. Анна по-прежнему оставалась благодарной, но в ее поведении было что-то, что не давало уверенности другой стороне. Не давало уверенности и постоянно беспокоило многочисленными вопросами. Будь на месте Игоря другой человек, он бы их задал. Но Игорь не посмел, он вообще считал, что есть вещи, о которых спрашивать не следует.

Анна потом вспоминала, что лишь первый год был относительно благополучен. Сначала от новизны или от обоюдного желания быть добрым друг к другу все шло гладко. Понимание, свобода, четкие договоренности – только этот первый год они проскочили легко. Затем в отношениях появилась какая-то «надломленность». Этим красивым и серьезным словом окружающие называли их недовольство друг другом и частые молчаливые ссоры.

– Ты можешь объяснить, что такое? В чем причина? Что вы поделить не можете? – добивались правды родители.

Но Анна ничего не отвечала, муж и подавно.

– Я тебе говорила, я предупреждала тебя. – Подруга Покровская все так же часто бывала у них в доме. Она наблюдала за происходящим и убеждалась в своей правоте.

– Но отчего же? Вроде же все нормально? – пожимала плечами Анна.

– Нет. Ты – не любила. Ты вышла замуж без любви. Более того, ты не понимала его. Тебе было важно, чтобы он не мешал тебе. И вряд ли он такой дурак, что этого не почувствует рано или поздно! Но уже поздно. – Покровская в последнее время стала намного мягче с Анной, она видела, что беременность Анна переносит не очень хорошо.

Анна, предоставленная сама себе, много гуляла, спала и пыталась поверить, что после рождения ребенка все изменится.

– Я хочу сына, – говорила Анна, сидя вечерами в старом кресле и с раздражением поглядывая на мужа.

– Мальчик – это хорошо, – соглашался Игорь.

– Девочки такие капризные. И потом, когда подрастают, тоже все так непросто, – рассуждала Анна.

– Девочка – это тоже очень хорошо. – Игорь отрывался от своего неизменного чтения и улыбался жене.

– А ты разницы что, не видишь? – Анна сразу же сердилась.

– Не вижу, любимая, – отвечал муж.

Как только они поняли, что будут родителями, Игорь иначе, как «любимая», жену не называл. Анна сначала усмехалась. «Мужчины так примитивны: продолжение рода – и сразу почести. Только надолго ли это?!» – восклицала она, когда ее немногочисленные приятельницы хвалили Игоря. Но отзывалась она так негативно совершенно зря – не было более трепетного и чуткого человека, чем Игорь той поры.

– Как только начнется – буди сразу. Сразу же! Не терпи. Ошибешься – ничего страшного! – наказывал он Анне, укладываясь спать в другой комнате.

– Я поняла, – цедила сквозь зубы Анна. Она уже не чаяла отделаться от этого груза – живота, отеков, лишнего веса, который просто прилипал к ней от одного взгляда на любые продукты. Она не спала ночами – не было удобного положения, было душно, влажно, тесно.

– Господи, да почему рожают женщины, а не мужчины! – совершенно серьезно восклицала она. Терпения и здравого смысла к окончанию девятого месяца у Анны оставалось все меньше и меньше.

Роды начались, когда Игорь вышел за шоколадным батончиком.

– Купи мне его сейчас. Я ничего не хочу. Я хочу только шоколадный батончик. И чтобы начинка была белой, – потребовала Анна. С утра она чувствовала недомогание, но упрямо скрывала это.

Игорь пулей вылетел в магазин. А когда вернулся, Анна, одетая в его плащ, уже стояла в прихожей.

– Ты куда? – перепугался муж.

– За картошкой, – ответила верная себе Анна.

Роды Анна почти не помнила. Только суету, смятые простыни, собственные ледяные ступни и неукротимое желание спать. Почему-то это желание было сильнее боли, сильнее страха.

– Мапочка, покупаем все розовенькое! – провозгласил кто-то над ее ухом, и она увидела толстенького младенца.

– Так и сделаем! – ответила Анна, зевая. Значимость момента была смазана все тем же желанием – поспать.

В палате, куда ее доставили через два часа, кипели разговоры. Молодые матери делились впечатлениями, давали друг другу советы и рассказывали о том, что «до того» фигура была отменная. И что сбросить появившиеся несколько килограммов – раз плюнуть. Анна не приняла в этом участия, закрыла глаза – и открыла их только через сутки.

– Вам ребенка кормить приносили, а вы даже не проснулись! – сообщили ей соседки.

– Я помню, я не спала. Вернее, почти не спала. – Анна легла на спину и стала вспоминать. А ведь действительно – маленький сверток сопел у нее где-то под мышкой! «Мама. Я – мама. И у меня – дочь!» – улыбнулась Анна. Только сейчас она осознала всю значимость события.

Пока Анна была в родильном доме, Игорь обустроивал квартиру. Заняв денег, он помчался в магазины и всеми правдами и неправдами доставал необходимое. Советчицами и помощницами выступали мать Анны и все та же подруга Покровская. По вечерам Игорь двигал мебель, собирал кровать, раскладывал покупки на полках. Ему хотелось, чтобы Анна с дочерью приехали в красивую уютную комнату.

Встречал их Игорь с огромным букетом цветов, положенным денежным выкупом нянькам и с подарком для врача. Анна удивилась такой подготовленности, а главное – осведомленности о ритуалах и обычаях. Она не знала, что Игорь накануне битый час просидел на телефоне и подробно записал все инструкции, которые давала ему Покровская.

– Все-то она знает, удивительно просто! – покачала головой мать Анны, которая присутствовала при этом.

– Да, она – голова, – согласился Игорь. – Только вот иногда на Анну действует не так как надо.

Мать удивилась, услышав это. На дочь вообще нельзя было влиять. Это она-то знала точно.

...И вот наконец Анна с дочкой переступили порог квартиры.

– Здорово ты все сделал! – похвалила мужа Анна, когда, закончив все необходимые дела, все уселись за стол.

Дочка спала в детской. Мать раскладывала по тарелкам салат, Игорь взялся за бутылку с шампанским.

– Ну я старался! Я очень старался ее сделать светлой. – С его лица не сходила улыбка.

– Я – тоже, – рассмеялась Анна, указывая на дверь, за которой спала их дочка.

– Ты такое сделала! Такое! – начал было Игорь, но в этот момент позвонили в дверь.

– Кто это?! – недовольно сморщилась Анна. Она не выносила незваных гостей. Да и гостей вообще.

– Понятия не имею, я никого не приглашал! – растерялся Игорь.

– Ну так иди открой! – дернула его Анна. – И скажи, что мы очень заняты. Нашли время по гостям ходить!

– Хорошо, только ты не волнуйся, помни про молоко! – Игорь пошел к двери.

Через некоторое время послышались мужской голос и смех. Анна хотела было подойти к двери, но сил у нее не было.

– Да кто там?! Что хотят, в конце концов?! – прокричала она раздраженно.

– Это к тебе. С подарком по случаю рождения дочери. – В комнату вошел Игорь. Выражение его лица было странным.

– Мне? Боже, как я не люблю сюрпризы! – Анна запахнула халат и тихим шагом направилась в прихожую.

– Никто сюрпризы не любит, – послышалось ей вдогонку.

– Что? Кто?! – Анна выглянула на площадку и увидела Дениса.

– Привет! Поздравляю! Это вам для новорожденной. Я же не знал, кто родится, поэтому купил зеленую. Отличная вещь! У нас таких нет, я ее из самой Финляндии тащил. Так что катайтесь на здоровье! – Денис, не заходя в квартиру, вкатил компактную детскую коляску невиданной конструкции.

– Спасибо, – пролепетала Анна.

– Да не за что, ребята! Если что потребуется – звоните! Привезу, достану. Я теперь в сборной буду играть. Пока! – Он махнул рукой, а потом прокричал в глубь квартиры: – Игорь, еще раз поздравляю, очень приятно было познакомиться!

– Взаимно! – вежливо ответил Игорь.

– А как это понимать?! – спросила сама себя Анна, стоя в прихожей и разглядывая подарок.

– Вот и я бы хотел знать! – Игорь вопросительно посмотрел на Анну.

– Ты что? С ума сошел? Я вообще тут ни при чем! Мы с ним просто знакомые! – возмущенно крикнула Анна, запаниковав.

Игорь помолчал, а потом произнес:

– Да верю я тебе, верю! Успокойся, молоко пропадет!

- Ох, какой же ты... – Анна вдруг всплеснула руками и кинулась на шею мужу.
- И про это мне рассказали, – пробормотал тот.
- Про что?
- Про послеродовой синдром. Ну, плаксивость там, раздражительность...
- Кто тебе рассказал?! – заливаясь слезами, спросила Анна.
- Покровская твоя. Как верно заметила твоя мама, Покровская знает все!
- Вскоре все трое вернулись к праздничному столу.

– Да-а-а, я себе представляю эту сцену! – отреагировала подруга Покровская, когда Анна рассказала ей про коляску. Потом она помолчала и неожиданно грустно произнесла: – А Игорь хороший. Может, я и ошибалась. Может, ты правильно сделала, что вышла за него замуж.

Анна удивилась непривычной интонации.

– Игорь очень любит дочку! – с жаром воскликнула мать Анны. Она жила пока у Анны и Игоря: помощь с маленьким ребенком была не лишней. – А этот твой Денис просто неподходящий человек! Так поступить! Такую гадость сделать!

– Mam, я не думаю, что это месть. Не так уж и влюблен он был в меня. Денис просто такой... Ну, понимаешь, есть тип «хороший парень». Вот ему очень хочется быть таким – «хорошим парнем», – встала на защиту Дениса Анна.

Но мать ее не слушала, продолжая утверждать, что Денис привез коляску нарочно, чтобы позлить Игоря и испортить им отношения.

– А Игорь?! Ты посмотри, как он с девочкой обращается?! – говорила она. – Он же ее с рук не спускает. Он кидается делать все. Хотя, вижу, валится с ног от усталости. Анна, Игорь просто сумасшедший отец!

– Успокоила, мама. Отец должен быть нормальным, – отвечала Анна. Но про себя соглашалась – столько нежности, столько любви, столько мягкости было теперь в муже. И казалось, что Анну он немного забыл, а помнит и видит только дочь.

– Он очень хороший, ты несправедлива к нему, – только и сказала мать, – или вы что-то не договорили друг другу.

Мать удивила Анну: она точно сформулировала то, что мешало сейчас совместной жизни. И появление дочери тоже не спасло их семью.

Дочку называли Натальей, и она оказалась прелестным ребенком, не капризным, послушным, почти не болевшим. Никаких особых проблем с воспитанием подрастающей дочери тоже не возникло. И все же жизнь в доме была тяжелой. И виновата в этом была Анна. Замкнутая, часто недовольная, без причины резкая – она думала, что любящий муж будет бесконечно терпеть это. Но Игорь не терпел – он переживал, обижался, но молчал. Другой на его месте устроил бы скандал. Другой бы хлопал дверью и дулся. Другой, но не Игорь. Он молча отмечал холодность и раздражительность Анны, спокойно сносил ее колкости, нетерпение и раздражение, похожее на презрительность. Он терпел и молчал. Видимо, считал, что не вправе перевоспитывать жену. Что есть что-то, во что ни в коем случае нельзя вмешиваться. Конечно, это была ошибка. Такое «попустительство» приводит только к одному: противоположная сторона начинает считать свое поведение нормой.

И вот однажды Игорь сказал:

– Я ухожу. Я больше так не могу.

Он в тот день пришел с работы рано и к появлению в доме Анны успел собрать все свои вещи.

– Хорошо. Ты поешь? Борщ еще горячий, – спокойно спросила его Анна, чем и вызвала первую мужнину истерику.

– Что ты за человек?! Из чего тебя слепили?! И кто лепил?! Ты же ничего не видишь, не чувствуешь, не понимаешь! – разорался муж так, что Анна впервые за все время испугалась.

– Что это с тобой?! – очень уж неудачно спросила она.

Игорь в изнеможении и бессилии опустил руки.

– Ничего, – тихо сказал он, – все хорошо. Только мы разводимся.

– Договорились, – подтвердила свое согласие Анна.

Жалела ли она об этом? Плакала ли она? Хотела ли первой позвонить, объясниться, вернуть его? Никто об этом никогда не узнал.

– Господи! Анна, ты, вообще-то, его хоть немного любила?! – в полном недоумении воскликнула расстроенная мать. – Ведь Игорь такой хороший, добрый человек. Он так любит дочь! Ты подумала об этом?! О дочери?!

– Откуда знать, может, именно о дочери я сейчас и думаю, – многозначительно ответила Анна.

Но мать махнула рукой. Отец вздохнул и опустил голову.

– Это все глупости! Понимаешь? Глупости! Вы их сами придумали, прикрылись ими. А сути вы не видите! Что ты молчишь?! Скажи, что я не права?!

Анна, сидевшая за кухонным столом и помогавшая резать салат, только пожала плечами. Она приехала навестить родителей, и меньше всего ей хотелось обсуждать собственный развод – слишком много всего разного пришлось бы самой себе сказать.

Потом, уже несколько лет спустя, они с Игорем случайно встретились. Бывший муж увидел ее в толпе, окликнул. А подойдя, обнял и поцеловал. И хотя они периодически перезванивались, – как-никак общий ребенок, – эта встреча больше напоминала свидание. Игорь, улыбаясь, взял Анну под руку и повел по улице. Они шли, похожие на счастливых супругов, и болтали обо всем: о дочери, о ее делах, о родственниках и общих знакомых. Разговор был легким, приятным, веселым, словно и недовольства не было, и ссор, и развода.

– Даже не знаю, сказать тебе или нет, – улыбнулся вдруг Игорь.

– Скажи, раз уж начал.

– Я тогда, после развода, такой злой на тебя был. Просто ужасно. Самому теперь стыдно. И даже хотел на твоей Покровской жениться. Назло тебе.

– Сам ушел, а злой на меня был! – фыркнула Анна.

– Ну ты же так себя вела, так вела... Ты не оставила мне выбора!

– Так и женился бы. – Анна в упор посмотрела на бывшего мужа. – Я бы не возражала. Ты ей нравился, я это потом уже поняла. Ирка – умная, терпеливая, характер у нее справедливый. И вообще, она хорошая.

– Это ты у меня была хорошая, Анна! – сказала муж и тут же добавил: – Но что за камень у тебя в душе?!

– Какой камень? – не поняла Анна.

– Не знаю. Из прошлого, наверное. Он же тебе жить не дает. И тебе. И другим. Словно, ждешь ты чего-то и силы бережешь для другой, как тебе кажется, настоящей жизни.

Они после встречались, но больше никогда так не разговаривали. А Анна долго еще вспоминала неожиданную и несвойственную Игорю откровенность и мучилась беспокойными вопросами: почему подруга Покровская смогла оценить Игоря, а она, Анна, нет?! Чего недоставало ей?! Почему так сложились их отношения? И только ли дело в ее характере, не допускающем душевную близость?

После ухода мужа в жизни Анны мужчин было немного. Времени на них не оставалось. Мало времени, мало мужчин, мало чего-то своего, заветного, тайного – все было сосредоточено на ребенке. Пока дочь росла, об этом особенно не думалось, но с первыми свиданиями повзрослевшей Натальи одиночество объявило о себе громко и безапелляционно.

И Анна испугалась. Испугалась тихих вечеров и своего суетливого старания шагать в ногу с дочерью. Анна удивилась, когда поняла, что дочь давно перешла на «бег», что успеть за ней невозможно, да и не надо – стать частью ее взрослой жизни тоже не получится. Одиночество человека, который выполнил все, что надлежало выполнить, и теперь остался не у дел, тяготило и пугало. Сутки превратились в бесконечность, и со вздохом сожаления Анна вспоминала о тех тяжелых днях, когда она недосыпала и валилась с ног от усталости, пытаясь заработать деньги.

– Радуйся, ты вырастила ребенка. Она встала на ноги, не требует помощи, она скоро тебе будет помогать, – твердили знакомые женщины с некоторой завистью, но Анна появившееся свободное время и все происходящее понимала как наказание за неизвестный проступок.

Результатом той душевной паники стал роман с коллегой. Анна не могла сейчас вспомнить, любила ли она того человека, или все-таки она бросилась в эти отношения из-за безысходности и страха потерять связь с жизнью. Милые, уютные и слегка лживые, – когда оба героя романа такие внимательные, ласковые и умные, – эти первые дни ей понравились. Дни с короткими телефонными разговорами, вечера за нарядно накрытым столом, с бутылкой хорошего вина, прогулки, во время которых оба молчат так выразительно, что, кажется, говорят без остановки, дни с ощущением, что все впереди... Это все было прекрасно, пока не стало привычным и не исчезло в невзрачных буднях, мелких хлопотах и обычной лени.

Точно так же – с разговорами, обедами и ужинами и серьезными разговорами ни о чем – внезапно возникли и вторые отношения. На смену тем, с коллегой, пришли эти, тоже с человеком из ее профессии, чуть старше и чуть разведенным. Чуть – потому что бывшая жена служила пронзительным и устойчивым фоном. Этот второй мужчина был с характером тихим, с нравом вьедливым, с манерами дотошными. Очень скоро Анне показалось, что ее жизнь превратилась в миллиметровую бумагу – все было расчерчено, разделено, чтобы поместиться в малюсенькие клеточки.

– Не надо планировать на субботу прогулку, мы обычно гуляем во вторник.

– Хорошо, я поняла...

– Уже два часа, нам осталось тридцать минут, не успеем «новости» посмотреть.

– Уходить из леса не хочется. Погода великолепная, – говорила Анна и добавляла: – Будут другие «новости», через два часа. Все расскажут.

– Аня, давай не будем ничего менять!

«Не будем ничего менять!» – означало, что «не будем менять привычки – и тогда не придется ничего менять в отношениях». Что странно – инициатором связи был он, а зависимость чувствовала она, Анна. И ей казалось, что мужчина догадался об этом, а потому и пользуется своей силой. «Но силы у тебя никакой нет, я не настолько влюблена!» – твердила про себя Анна в те моменты, когда становилось очевидным – их жизнь и их отношения строятся по его правилам. Расстались они громко, скандально – это оказалось самым выразительным по форме событием в их отношениях. Спустя некоторое время, если Анна что-то и вспоминала об этом периоде своей жизни, то только именно мощный по своему звучанию и силе финальный эпизод с битьем посуды, хлопаньем дверей и запахом валерьянки. Лекарство пил мужчина.

А потом Анна завела собаку. Произошло это тем самым зимним днем, когда становится тошно от одного только взгляда на покрытый ледовой глазурью тротуар.

– Анечка, – позвонила тогда соседка по подъезду, – Анечка, очень прошу, зайдите в лечебницу, возьмите лекарство для Жужи.

– Хорошо, – успокоила ее Анна, – конечно зайду, подготовьте рецепт.

Жужа, то ли шпиц, то ли терьер, а скорее всего, все вместе плюс еще что-то бульдожье, была чрезвычайно хитрым существом. При таком «замесе» псина должна была быть здоровой, как бык. Ну она и не хворала, но притворялась и капризничала так, что хозяйка сходила с ума. Анна несколько раз по просьбе соседки выводила Жужу гулять.

– Она носится как угорелая! Что вы волнуетесь?! – удивлялась Анна. – Животные – манипуляторы, они нами руководят!

– Нет, нет, очень больная собачка, у нее что-то с желудком. – Соседка была непреклонна.

Анна перестала спорить и исправно покупала всякие снадобья в ветлечебнице.

В тот раз Анна пришла в лечебницу рано – тамошняя аптека еще не открылась, ветеринары только-только пришли на работу. В приемном покое, куда зашла Анна, было трое. Он, она и существо, одновременно похожее на собаку и муравьеда. Светло-серая шерсть, длинные щенячьи лапы, тонкие высокие уши и нос длинный и узкий. Анна с улыбкой уставилась на диковинную собаку.

– Это же надо, какой симпатичный! – обратилась она к хозяевам.

Те промолчали. Они сидели с недовольными лицами, а мужчина все время поглядывал на часы. Наконец он произнес:

– Слушай, мне надо ехать, ты оставайся, все сделаешь... Я не могу опаздывать...

– Да? Еще чего?! – Женщина вскинулась с такой готовностью, что Анна вздрогнула. – Самое тяжелое – мне?! А ты не хочешь сам остаться, а я поеду, мне тоже на работу надо, между прочим.

– Не я ее принес! Я тебе говорил, я же тебе говорил, что будут проблемы. А ты что?! Ты сказала, что ничего страшного, что все нормально. Откуда ты взяла, что будет нормально?! И что за манера делать все по-идиотски?!

Анне стало не по себе. Люди ругались зло, но самое печальное, что нелепый щенок пытался подлизаться к хозяевам. Словно понимал, что они ссорятся из-за него, и уговаривал каждого не делать этого.

– Сиди, нечего! – наконец, накричавшись, отрезала женщина, непонятно к кому обращаясь – то ли к мужу, то ли к собаке.

Мужчина нервно заходил по приемному покою.

Анна молча наблюдала за псом. Она ничего не понимала в собачьих болезнях, но неплохо разбиралась в людях. «А ведь они – сволочи!» – кратко выразила она свое отношение к происходящему.

– Так, кто первый. – В приемном покое возникла медсестра.

– Мы, – угрюмо сказал мужчина, и все трое зашли в кабинет.

Вышли они через пятнадцать минут, без собаки. Женщина сразу поспешила на улицу, мужчина стал дожидаться кассира.

– Извините, можно? Мне только лекарство... Вот рецепт прошлый. Можно выписать новый, только дозу меньше. Это не для моей собаки, у меня нет... Это соседка просила. – Анна протянула бумажку врачу, а сама быстро осмотрела кабинет.

– Да, вижу дозу... хорошо, – кивнула врач.

– Скажите, вот сейчас щенка вам принесли? – торопливо спросила Анна. – Двое. Ведь усыплять принесли?

– А что? – Врач, молодая красивая женщина, нахмурившись, посмотрела на Анну.

– Я не имею права спросить? – обозлилась Анна.

– Имеете. Я имею право не отвечать, – отрезала врач.

«Ах ты, паршивка, молоко на губах не обсохло, а уже дерзишь!» – Анна завелась не на шутку. Вид у врача был самоуверенный и жесткий.

– Во-первых, будьте вежливы, вы на работе, – включила «железную леди» Анна. У нее это обычно прекрасно получалось. – Я клиент. Если вам недоступны общечеловеческие правила поведения, то рекомендую...

– Да, я – на работе, но не делайте мне замечаний! – взвилась врач, перебив Анну. – По какому праву вы учите меня! Что это вообще такое?! – Голос ее зазвенел.

– Вы что тут истерики устраиваете? Вы почему срываете свое плохое настроение на людях?! – Анна даже захлебнулась от гнева. Давно она не видела такого откровенного хамства и такой несдержанности.

– Жалуйтесь, если хотите! И вообще. – Врач отвернулась к шкафчику с инструментами, и Анна услышала всхлипывания.

– Что? Что такое? – Анна растерялась. – Что такое, вы же первая начали...

Но Анна не смогла договорить фразу. Она все поняла. Красивая девочка с холеными руками и модным маникюром, в пижонском врачебном костюмчике плакала, почти рыдала. Она еще, видимо, не привыкла к ветеринарным будням. «А я дура!» – подумала Анна и обняла врача за плечи.

– Возьмите салфетку, вот, у меня есть.

– У меня тоже... – всхлипывая, ответила та, – понимаете, они берут собак, а потом выбрасывают. Или приносят усыплять! Они иногда даже не пытаются с ними сладить. Вообще. Я не могу на это смотреть.

– Вы давно здесь работаете?

– Год. – Врач несолидно хрюкнула в салфетку.

– Понятно, – вздохнула Анна и сказала: – Заверните мне.

– Что?! – не поняла врач.

– Я забираю собаку себе. И совершенно не важно, что с ней. Будет у меня жить.

Врач вздохнула и сказала с наставительной интонацией:

– Послушайте, порывы – это не про ветеринарию. И не про уход за животными. Понимаете?! Вот эти двое тоже притащили в дом пса, а теперь принесли усыплять.

– Почему они так сделали?

– А пес болен, – воскликнула врач. – У него, скорее всего, лейкоemia. Генетические пороки. Его лечить надо будет. Все время. И неизвестно, чем это закончится.

– Но это реально вообще сделать? – спросила Анна. – Вылечить?

– Лечить реально, а вот вылечить – вопрос. Стоить это будет не очень дешево. Смотря, как пойдет процесс.

– Понятно, я возьму щенка себе, – нахмурившись, упрямо повторила Анна.

Врач вздохнула:

– Дай вам бог терпения.

– Да, пусть даст, – согласилась Анна.

– Не волнуйтесь, я постараюсь кое-что сделать. Мы с вами еще увидимся. – Врач повернулась к вошедшей сестре. – Посмотри, ушли ли эти двое. Если нет, скажи, что они должны еще за... Погоди, я напишу...

Врач что-то еще написала и отдала листок сестре. Та вышла.

– Пусть они раскошелятся еще, эти деньги мы пустим на его лечение. Сегодня же и начнем. – Она неожиданно подмигнула Анне.

Так в доме появился Перчик.

– Мама, почему такое имя? – Дочь гладила длинные узкие уши притихшего пса.

– Жизнь у него горькая. Но мы постараемся... – ответила Анна.

В ветеринарной лечебнице она стала героиней. Одна смена передала другой историю о чудесном избавлении собаки от смерти и предложение помогать по мере сил и возможностей этой паре – хозяйке Анне и собаке Перчику. Посоветовавшись, врачи отправили представи-

теля – ту самую молодую женщину-врача – к хозяйке лечебницы. Анне позвонили через две недели и попросили зайти.

– Вот ваши рекомендации, ваши назначения, – приняв Анну у себя в кабинете, сказала хозяйка. – Вот приблизительный план лечения. Сумма тут получается большая, но клиника берет на себя почти все расходы. Кроме стандартных, которые должны нести все владельцы собак – прививки, обычные анализы и прочее.

– Я даже не знаю, как вас благодарить, – не ожидавшая такого Анна растерялась. – Я, конечно, бы не осилила все это сама.

– Мы сами рады, что так все устроилось, – улыбнулась владелица клиники. – Вы теперь будете у нас часто бывать.

И действительно, Анна стала здесь постоянным посетителем.

Молодая врач не ошиблась, пес Перчик был действительно болен. Лейкемия подтвердилась. Как выяснилось, опыта лечения этой болезни у собак было немного.

– Есть протоколы, в канадских клиниках нечто подобное делали, но там пересаживали костный мозг. Мы будем изучать все это, а пока – переливание крови, – рассказывали ей. И Анна приносила Перчика на процедуру, сидела рядом, пока в тонкую лапу вставляли иглу, пока врачи сустились вокруг него, а пес дрожал и пытался вырваться.

– Ты – молодец, мы с тобой потом вкусную косточку будем грызть, – увещевала она Перчика, сжимая его изо всех сил.

Домой она приносила бодрого и подвижного пса, который радостно лизал ей руки, хорошо ел, спал, играл.

Соседка, владелица Жужи, зачастила в гости – процесс лечения собаки был ей весьма интересен.

– Хорошо, – на ее вопросы о здоровье Перчика честно отвечала Анна.

Это «хорошо» длилось недели три, а потом у щенка белели дёсны, он становился вялым и все чаще лежал серой тряпочкой. Анна понимала, что пора в лечебницу на переливание крови.

Анну и Перчика уже ждали в клинике.

– Погуляйте, он сейчас будет спать. Что вам здесь сидеть, на улице такая погода. Мы без вас управимся, – как-то сказала медсестра.

– Боюсь его оставлять, – призналась Анна.

– Ничего не будет, – заявила медсестра и пристально посмотрела на Анну.

Анна поняла, что мешает здесь, что при ней все привычные манипуляции врачам и персоналу выполнять сложнее.

– Хорошо, я буду здесь во дворе.

Анна направилась к выходу. Она прошла мимо операционной, мимо кабинетов, а последняя дверь вела в стационар. Анна с интересом заглянула туда. В большой комнате с кафельными полами стояли клетки и клеточки. Там на пеленках лежали и сидели собаки и кошки. Какие-то спали, какие-то неотрывно смотрели на дверь, некоторые лежали, отвернувшись к стене. «Словно люди в больнице. Каждый по-своему болезнь переживает», – подумала Анна. Она подошла к одной клетке и протянула палец к мохнатой мордочке. Собачонка высунула язык, да так и осталась сидеть. Анна улыбнулась, потом попробовала погладить щенка таксы, а потом решительно вышла в коридор.

– Простите, вы еще не начали? – Она заглянула в процедурную, где лежал Перчик.

– Нет, но вот-вот начнем, – обернулась медсестра.

– Скажите, а можно мне пока погулять с какой-нибудь из собак? Они же не все настолько больны, гулять же вы их водите?

Медсестра растерялась:

– Я не могу решить этот вопрос, вам к главврачу надо или директору.

– Хорошо, – кивнула Анна, закрыла дверь и пошла искать начальство.

Со своей работы Анна уволилась через три месяца. Сделала она это почти с удовольствием – давно уже в ее конторе ходили слухи о сокращении, давно уже отношения между сослуживцами были похожи на вражду, давно уже не платили тех денег, которые когда-то были записаны в контракте. То, что Анна оставалась здесь, было данью инерции, а не осознанным выбором. Посещение ветеринарной лечебницы заставило ее внимательнее приглядеться к людям и тому, чем они занимаются. А постоянное соседство находящихся на лечении животных пробудило особенный интерес к ним. За это время Анна хорошо выучила повадки собак разных пород, нравы абиссинских кошек – тех было почему-то много в лечебнице, научилась не поддаваться хитроумным приемам, которыми ее питомцы пытались выманить вкусности. А самое главное, она научилась быть внимательной.

– Анна Петровна, наблюдения, которые вы делаете на прогулках, лучше ежедневного осмотра! – хвалили ее врачи. – Вы все улавливаете, все замечаете.

– Ну, знаете ли, не заметить трехразовый, простите, понос, сложно! – смеялась Анна, но чувствовала себя польщенной.

Дочь Наталья все изменения в жизни матери поприветствовала:

– Мама, я горжусь тобой. Так круто поменять жизнь можно только в бездумной молодости. Когда ничего не боишься.

– Или почти в старости, когда уже нечего бояться, – горько усмехнулась Анна.

– Ты – молодец. – Наташа говорила искренне. – Работа с животными – это здорово!

Анна была довольна, что дочь поняла все правильно. Перейдя в лечебницу, в сущности на техническую должность, Анна как будто расправила плечи. Место, где теперь она работала, имело особую магию. Люди здесь должны были быть людьми вдвойне – ведь рядом с ними находились абсолютно ничем и никем не защищенные создания. И Анна видела, что все вокруг это понимали. «Мне еще и с коллективом повезло!» – радовалась она.

Потому что с коллективом и начальством действительно повезло. Однажды Анну вызвала директор и спросила:

– Анна, вы же работаете у нас посменно, да?

– Да.

– Тут такое дело, – осторожно начала эта обычно уверенная в себе властная дама, – ко мне обратились мои знакомые. Они часто уезжают в командировки, а у них пес. Небольшой. Славный такой фокстерьер. Они ищут временную собачью няню. Вы бы не согласились поработать у них?

Анна онемела. Одно дело здесь выгуливать собак и помогать на процедурах, то есть работать ассистентом, и совсем другое дело – гулять с чужой собакой.

– Я даже не знаю... – замялась она.

– Вы подумайте, – снова вернув свой обычный властный тон, заговорила директор. – Это хорошее занятие и платят за него щедро – люди не хотят, чтобы с их питомцами плохо обращались. Вы будете три дня работать у нас, как и работали, а остальные три – у них. Живут они здесь же, в нашем районе. У нас же почти все пациенты – соседи!

– Я подумаю. – Анна совершенно растерялась.

Конечно, перейдя в лечебницу, она выиграла во многом: работа была теперь близко, нет нужды тратить время на дорогу. Было свободное время – график «через день» соблюдался строго. Платили не очень много, но можно было подработать – ухаживать в клинике за животными, помогать до операции и после. Денег, конечно, все равно было меньше, чем в торговой компании, где Анна работала раньше.

Взвешивая все «за» и «против» этого предложения, Анна решила обратиться к дочери за советом, хотя раньше этого не делала. Предложение гулять с псом было не то чтобы

каким-то удивительным, просто само это занятие представлялось каким-то... несолидным, унижительным, что ли...

– Ты с ума сошла?! Что в нем плохого?! – Услышав об этом, дочь стала кричать и размахивать руками. – За то, что ты будешь гулять на свежем воздухе, тебе будут еще платить!

Анна с удивлением посмотрела на Наташу. Точно, это поколение было другим. Способность мыслить практично, а не утешать себя сложными иллюзиями – вот отличительная черта этих современных взрослых детей. «Она ведь права. Движение, воздух, животные – все это только положительные эмоции, – слушая доводы дочери, думала Анна. – Да еще и деньги платить мне будут за это. Не придется киснуть, как раньше, восемь часов в помещении, где тесно от человеческих амбиций и человеческой усталости».

– Да, соглашаюсь, – как будто давая ответ и себе и дочери, резко выпалила она.

Наташья на секунду опешила. Потом одобрительно кивнула:

– Молодец, мама.

От похвалы дочери Анна расплылась в счастливой улыбке.

– Только как бы не было такой истории, как с этой ирландской овчаркой, – тут же озабоченно нахмурилась она.

– Не все же такие... Животные, как я теперь понимаю, как люди. Процент особо вредных не так уж и высок, – успокоила Анну дочь.

История с упомянутой собакой была достойна пера юмориста, если бы Анна не принимала все так близко к сердцу. Бом – большой бородатый пес – лечился в стационаре от несварения желудка. Он ел все подряд, страдал от ужасных болей, пытаясь переварить проглоченное, лечение шло медленно. Характер у Бома был вредный. Обитал он в большой персональной клетке размером с кухню в «хрущевке». Клетка стояла в отдельном помещении.

– Бом – пес невоспитанный, он лает как сумасшедший, заводит всех остальных собак. Вот и пришлось его изолировать, – объясняли врачи и попросили: – Поэтому, Анна, вам нужно будет ему только свежей воды наливать. У Бома строжайшая диета.

– Хорошо, – согласилась Анна, не догадываясь о предстоящих трудностях.

Пес встретил ее, виляя хвостом, заглядывая в глаза и изображая жертву медицинского произвола. Словно наученный кем-то, он выставлял вперед переднюю лапу, где бинт прикрывал след от капельницы.

– Ах ты, бедный, замучили тебя! – причитала Анна. Большие размеры пса и его несчастный вид диссонировали и оказывали на зрителя особо трогательное впечатление.

– Ну, вот ложись сюда, сейчас я тебе еще пеленочек постелю, чтобы мягче было. – Анна сожалела, что пса ничем нельзя угостить, и решила компенсировать это созданием дополнительных удобств. Она распечатала упаковку с одноразовыми пеленками, отобрала побольше и эту стопку положила под лоскут старого пледа. Пес сразу же с видимым удовольствием улегся сверху и вытянул лапы.

– Хорошо, да? – обрадовалась Анна, довольная, что угадала, как облегчить жизнь собаке. – Ну и отлично. Вода у тебя свежая, постель мягкая. Отдыхай, я тебя еще проведу.

Анна улыбнулась Бому, закрыла клетку и вышла из комнаты. Она не успела сделать и шага, как послышался грохот, рычание, возня и еще множество странных звуков. Анна остановилась. По отделанному кафелем помещению гуляло эхо, и потому Анна не сразу поняла, где находится источник шума. «Ну, это не у Бома. Это там, где у нас все собаки вместе», – пришла к выводу Анна и отправилась проверять. Собаки шумели, но в общем был порядок. «Странно, я же слышала явственно шум и звон металла, словно миску подбрасывали!» – подумала Анна, все-таки зашла к Бому. Тот выглядел все таким же грустным. Но в клетке царило полное безобразие. Миска была перевернута, вода разлита, пахло мочой, а пеленки были разодраны в мелкие клочки. Уцелел только плед. Он, сухой, лежал в самом углу клетки, словно его кто-то нарочно туда отнес и аккуратно положил.

– Ты что наделал? Как тебе не стыдно! Или у тебя что-то болит?! – Анна открыла клетку и принялась наводить порядок. Пес ласкался и норовил лизнуть Анну. – Ну я тебе все поправлю, только ты води себя хорошо!

Анна навела порядок, постелила новые пеленки, налила в миску воды, потрепала пса по голове и вышла из комнаты. Она не успела сделать и пяти шагов, как тот же самый шум повторился. С этого дня началось их противостояние.

– Он словно меня пытается проучить, только за что не пойму! Но даже удивительно, как можно устроить такой свинарник буквально за считанные минуты, – жаловалась Анна коллегам.

– Но обратите внимание, кусок старого пледа всегда чистый и сухой, – улыбнулась одна из медсестер.

– Да, – подтвердила Анна, – и всегда сдвинут в сторону.

– Ничего удивительного. – Медсестра пожала плечами. – Это ЕГО плед. Из дома. Он его никогда не пачкает и не рвет.

Анна подумала, что сотрудники клиники приписывают своим четвероногим пациентам слишком высокие умственные способности, но, присмотревшись к поведению Бома, вынуждена была согласиться. Тот хорошо соображал, потому что даже не делал попытки испортить свою собственность.

...Так что сейчас, когда надо было соглашаться на работу с незнакомой собакой, Анна много чего опасалась.

– А вы не бойтесь. Увидите, что собака безобразно ведет себя, откажетесь, – совершенно спокойно отвечала директор, с которой Анна поделилась сомнениями. – Это работа, и вы не должны соглашаться на неприемлемые для вас условия.

И Анна согласилась. Фокстерьер стал частью ее жизни.

«А это – работа!» – призналась себе Анна, когда подсчитала свою зарплату за первый месяц. Теперь она уже не только трудилась в клинике, в течение этого месяца у нее появилось еще несколько подопечных, которых она выгуливала два-три раза в день и с которыми в случае необходимости ездила в клинику и даже на стрижку.

– Я же тебе говорила, – торжествуя воскликнула дочь, – это – работа! Ничуть не хуже любой другой. Тебе платят нормальные деньги! И у тебя еще есть время для себя. Ты же на человека стала похожа. Появился румянец, ты окрепла, перестала суетиться, носиться. Ты обрела другой облик!

– Ну ты скажешь. – Анна еле сдержалась от довольной улыбки. Она знала, что дочь права.

Современные свахи частенько советуют знакомиться на «собачьих площадках». Они правильно советуют. Мужчина, имеющий собаку, если только она не приобретена женой, как правило, любознателен, внимателен и добр. С ним легко завести беседу, и он охотно, без удивления отзывается на всякого рода предложения. Например, на собачьей площадке запросто можно откликнуться на просьбу едва знакомых людей: «Дайте ваш телефон, я позвоню, продиктую рецепт мази от блох!» При этом никто не чувствует себя неловко. Здесь можно сразу же договориться о времени, когда вы вдвоем выйдете погулять, и здесь, что немало важно, комплименты делаются собакам, но относятся к хозяевам. Впрочем, гуляя с собаками, Анна, пережившая две весьма сложные связи, ни разу не воспользовалась создавшейся благоприятной ситуацией. Хотя мужчин вокруг нее теперь было много, и все они желали дать совет, поговорить, расспросить о питомцах, оказать помощь, проводить. «Некуда спешить, захочу познакомиться – в любой момент познакомлюсь», – думала Анна, словно ей было шестнадцать лет и выбор прекрасных принцев напоминал ассортимент плодоовощной ярмарки.

Во время прогулок Анна вела себя просто, с достоинством и большей частью отмалчивалась. Но судьба, дама ушлая, подкараулила ее. Как-то осенью, когда Анна, держа на поводке сразу четырех разнокалиберных псов, переходила дорогу, ее окликнули. «Мозгов нет! – с раздражением подумала Анна. – Только ненормальный будет окликать на проезжей части». Она дошла до противоположной стороны дороги и только тогда оглянулась. Там, откуда она только что ушла, стоял мужчина. В руках он держал большую связку ключей и потряхивал ею, как колокольчиком. «Мои ключи! Когда же я их выронила!» – обмерла Анна, схватившись за карман куртки.

– Стойте, я сейчас к вам подойду! – так перевела Анна жесты незнакомца.

– Я вам махал и кричал, но вы не заметили и не услышали, – тяжело дыша, произнес подбежавший наконец мужчина и вручил ей ключи.

– Спасибо, я даже не заметила, что они выпали! – Анна благодарно улыбнулась. – Извините, я была невежлива, но сами понимаете – переходить дорогу с этими друзьями...

– Да, вы отважная женщина, что опекаете такое семейство! Я за вами давно наблюдаю... – незнакомец осекся.

А Анна растерялась и, покраснев, спросила:

– Наблюдаете?

– Ну да, так получилось, – улыбнулся мужчина. – Я живу в доме, во дворе которого находится собачья площадка. Из моего окна все отлично видно. Я бы и ключи не заметил, просто вас увидел с собаками. Думаю, знакомое лицо. А тут собаки дернулись, вы за ними, ключи из кармана-то и выпали.

– А, тогда ладно, – с облегчением перевела дух Анна. – Я уж подумала, что вы за мной следите. Хотя, с другой стороны, это я себе льщу.

Мужчина растерянно пожал плечами. Он не знал, как реагировать. То ли комплимент говорить, то ли отрицать малейшее намерение проявить внимание.

– Спасибо за ключи, мне идти надо. – С этими словами Анна намотала на руку все поводки. Псы сразу прекратили хаотичную возню и посмотрели на Анну.

– Я вас провожу, – тут же предложил мужчина и протянул руку к поводку. – Давайте хоть одного поведу.

– Нет, спасибо. – Анна замотала головой. – Я за этих собак отвечаю. Не то чтобы я вам не доверяю, но – это моя работа.

– Как – работа? – На лице мужчины появилось сильное удивление.

– Так, – пожала плечами Анна. – Я опекаю этих собак. Гуляю с ними. Кормлю. И, если надо, вожу по врачам.

– Вот это да... Я даже не мог предположить, что это не ваши собаки.

Анна поняла, что мужчина слегка врал. Если бы он за ней часто и внимательно наблюдал, то понял бы, что собаки не ее. Потому что они иногда менялись. Среди ее питомцев были те, которых ей оставляли эпизодически, пока, например, хозяева сходят в театр или в гости, поэтому вечером выйти с псом было некому.

– Да у меня только одна собака. И сейчас она спит дома, – объяснила Анна. – Потому что уже погуляла. Рано-рано утром.

– И не сложно каждый день эту армию выводить?

Они уже шли вдоль улицы, провожаемые взглядами прохожих. Впрочем, Анна к этому привыкла, а ее спутник явно смущался.

– Нет. – Анна улыбнулась. – Мне нравится рано вставать. Гулять, когда еще мало людей на улицах. Да и к ним я привыкла.

– Понятно. – Мужчина остановился. – Мы пришли. Мне надо бежать.

– А разве вы не здесь где-то живете? – Анна указала на близлежащие дома.

– Да, вот в этом доме, но я шел на работу. У меня сломалась машина. И вот уже неделю я бегу к метро, а потом еще еду на автобусе.

– Так далеко работаете...

– Не очень, но ездить неудобно.

– Хорошего вам дня, – сказала Анна, с благодарностью глядя на своего спутника. – Спасибо за ключи.

– И вам хорошего дня. Может, вечером увидимся? Я с работы буду идти, а вы здесь на площадке гулять будете...

– Может быть.

Анна устремилась к площадке. Предвкушая свободу от поводков, собаки потянули с утроенной силой.

Но ни вечером, ни завтра, ни через несколько дней встречи не произошло. Анна уже и думать забыла о том эпизоде с ключами, но как-то в магазине увидела своего нового знакомого. Она хотела было поздороваться, но вовремя одернула себя. Знакомый был не один – приятная женщина лет сорока руководила покупками. Руководила негромко, но решительно и с нескрываемым раздражением. Казалось, ее бесит не столько толчея, сколько спутник, и то, что она вынуждена быть рядом с ним.

– Слушай, зачем надо было идти сюда за мукой и яйцами, если ты так злишься? Пропади пропадом эти пироги! Я их есть не буду! Уже – не буду! – Вдруг раздался громкий голос, и Анна поняла, что терпение мужчины лопнуло.

Краем глаза она увидела, что женщина смутилась, что с лица ее слетела самоуверенность, появился стыд и растерянность. Лицо пошло пунцовыми пятнами, и женщина зло, но униженно прошипела:

– А ты можешь тише говорить?!

– А ты можешь не портить настроение другим?! – Ответ, как и предыдущая фраза мужчины, прозвучал так же громко.

Анна видела, как женщина бросила пакетик дрожжей на полку, развернулась и устремилась к выходу. Мужчина остался стоять с полной корзиной продуктов в руках. «Нельзя, чтобы он меня заметил!» – подумала Анна и затерялась в толпе. Она почувствовала, что день испорчен тоже, принялась рассеянно бродить между полок, и ей уже не хотелось искать продукты для приготовления литовского холодного супа. Идея сделать мясную запеканку тоже показалась бессмысленной. «Кто ее будет есть?! Я одна. Наталья, может, и не приедет. А если и пожалует, то съест кусочек малюсенький. Ну заверну ей, чтобы отнесла домой. Но наверняка про запеканку они забудут, проваляется она, засохнет, и они ее выбросят», – думала Анна. Ей не жалко было денег и продуктов, но ужасно было жаль себя, своих трудов. А главное, было больно от той безысходности, которой отмечены кулинарные занятия одиноких людей.

В хлебном отделе она бросила корзинку с уже выбранными продуктами и налегке отправилась к кассам. Прихватила лишь горячий батон и почти съела его, пока подошла очередь платить.

Дома ее встретил Перчик. Анна взяла его на руки, погладила и произнесла:

– До чего же люди не умеют жить! Совсем не умеют. Не то что вы, собаки. Вы умеете. Вечером отправляемся на долгую-долгую прогулку. Мы с тобой никуда не будем спешить. Будем гулять, пока ты не попросишься домой.

* * *

...Стоило Анне взглянуть на него, как сразу стало понятно – он ее ждал. Но Анна все же сделала вид, что встреча – большая неожиданность.

– Добрый день! – Она подошла к воротам собачьей площадки. Перчик рвался к собакам, которые кружили там, рвал поводок.

– Простите, можно я войду? – улыбнулась Анна. – Он меня сейчас с ног собьет. Да и лапу ему пора поднять.

– Да, конечно. – Мужчина посторонился и принялся объяснять. – Я вот шел мимо, обычно я хожу другой дорогой. А тут вижу – вы навстречу идете... Я сразу понял, что на площадку. Ну и поспешил... Сегодня такой день у меня хлопотный...

Анна отстегнула поводок, и Перчик бросился к друзьям.

Она слушала объяснения этого мужчины и совершенно ему не верила. Потому что он точно ждал ее. Анна это поняла, как только подошла к собачьей площадке, как только увидела его. И ни его слова, что, мол, тут случайно, что мимо проходил, ни нарочито равнодушный вид, ни некоторые другие приметы не обманули ее. Ждал, ждал, ждал...

– А я видела вас сегодня днем. В магазине. Вы были не один. И меня не заметили. – Анну так и не покинуло плохое настроение. И виноватым она по-прежнему считала их – этого мужчину и его женщину.

– Я был не один, это правда... А зачем вы мне говорите это? – удивился незнакомец.

– Чтобы вы знали, что я вас видела. А то получится, что подглядывала. И... – Анна замешкалась, – и подслушивала.

– Вот оно что, – потупился мужчина. – Да, пирогов у нас сегодня не случилось.

– Значит, не судьба.

– А вот это очень верно. Только я не сразу догадался, – ответил мужчина, – много времени понадобилось, чтобы «допереть» до этого.

Анна рассмеялась: как-то по-босаяцки прозвучала эта фраза.

– Жена?

– Подруга. Старая и добрая. Мы уже давно мучаем друг друга.

– Зачем?

– Вы спросите что-нибудь полегче...

– Не буду я вас спрашивать. Вы и так мне сегодня весь день испортили. И у меня не случилась мясная запеканка.

– Извините. Мы не хотели. У нас так получилось, – совершенно не удивившись обвинению, ответил мужчина.

– Меня зовут Анна. – Анна протянула ему руку.

Это сразу же заметил Перчик, подбежал и сел у ее ног.

– Сергей. – Мужчина тоже протянул руку и с улыбкой добавил: – Только я боюсь вам пожать руку. Загрызет меня ваш приятель.

– Он добрый, – улыбнулась Анна. – Но бдительный.

– Пойдемте, хинкали поедем, – предложил Сергей. – Коль уж мы остались без пирогов и мясной запеканки.

– А как же Перчик?

– Кто? – не понял сначала Сергей и тут же попытался исправиться: – А с такими пускают. И я видел, что даже подкармливают. Там работают сердобольные люди.

Анна оскорбилась:

– Вы хотите сказать, что у Перчика замухрышный вид?!

– Что вы! Он у вас даже лоснится от довольства.

Анна рассмеялась и почувствовала, что нет ничего страшного в том, что она не приготовила литовский суп и эту самую запеканку.

Так начались ее отношения с Сергеем.

Когда от отношений ничего не ждешь, они, не понукаемые нетерпением, жадностью и требовательностью, несутся вскачь, вприпрыжку. Анна ни разу не произнесла про себя:

«Ах, если бы он сказал... Если бы сделал, пригласил...» В тот период Анна ни о чем не мечтала, просто наслаждаясь происходящим. И даже не чувствуя себя влюбленной, хорошела и расцветала.

- Мама, ты замуж собираешься? – однажды спросила ее дочь.
- Почему ты так решила?
- Да на лице написано.
- Что именно?
- Счастье.
- Да?

Анна удивилась, потому что ни разу не определила свое теперешнее состояние как счастливое. Ей было просто хорошо – рядом был спокойный деликатный человек. Он отдаленно напоминал ей бывшего мужа Игоря – не давил на нее, не навязывался и не пытался на нее влиять. Сергей был хорош собой и явно заинтересован в отношениях с Анной.

– Тебе надо было идти в ветеринарный университет учиться. А не математикой заниматься, – неизменно говорил Сергей, когда Анна рассказывала ему рабочие новости.

– Кто же знал, что так получится?!

– Да, – вздыхал Сергей. Он не претендовал на большее внимание. Он про Анну все давно понял – женщина ему досталась с «замочком», который надо было открыть. Но у него не получалось. Впрочем, Сергей был человеком благодарным, а потому не приставал к Анне с претензиями, не задавал лишних вопросов и точно знал, когда ее надо оставить в покое.

Когда прошел первый сладкий и беспокойный период привыкания, выяснилось, что крепче всего Анну и Сергея связывает... кухня.

– Мама, а вы еще чем-нибудь, кроме как приготовление блюд, их поеданием и обсуждением, занимаетесь? – как-то поинтересовалась дочь и тут же схлопотала полотенцем по попе.

– Неприлично такое спрашивать, – шутливо разгневалась Анна.

Но вечером того же дня припомнила всю историю их отношений и поняла, что да, гастрономические чудеса и уют кухни – вот, пожалуй, основа их с Сергеем альянса. «Это вряд ли можно назвать любовью», – вздохнула Анна и неожиданно обрадовалась. Любовь всегда создает столько проблем и отнимает столько сил, что впору променять ее на близкую дружбу с кулинарным уклоном.

Очередной раз Анна порадовалась отсутствию страсти в ее жизни, когда сообщила о том, что ехать в Ригу собирается одна. Сергей на минуту задумался, потом в его глазах мелькнуло недоверие, но еще через минуту он произнес:

– Отлично, я с мужиками на «дальнюю» рыбалку съезжу. Ну, вернусь раньше тебя, конечно. А ты отдыхай, тем более давно собиралась.

Анна порадовалась, что не потребовалось объяснений, почему она во что бы то ни стало хочет поехать одна. «Не пойму, это деликатность или равнодушие, но в любом случае мне сейчас это удобно», – подумала она с благодарностью.

Глава вторая

Дорога к морю

Визу посольство все-таки выдало. Через две недели после неприятного разговора с сотрудницей консульства Анна получила на руки документы. Разглядывая страницу паспорта со сложной тангирной сеткой и переливающимся голографическим значком, Анна хмыкнула: «Не иначе, мое произношение произвело впечатление! Ну, что ж, придется ехать!» За этим снисходительным «придется», впрочем, ощущались восторг и радость. И то, что Анна сама от себя скрывала и прятала, теперь вдруг стало очевидным. «Тридцать три года я там не была. Символическая цифра и целая жизнь! А надо было, надо было съездить раньше! Спрашивается, почему я так долго тянула?! Почему я собралась, когда мне уже столько лет?! Вот ведь дотянула до того момента, когда собственное прошлое становится набором историй и кажется, что все они из чужой жизни», – думала она, но это была уже формальность. Ее охватило радостное оживление и предвкушение. Анна бегала по дому и укладывала в чемодан сарафаны и теплые свитера. Что такое июль на взморье, она знала не понаслышке.

– Итак, ты все-таки уезжаешь? – Дочь позвонила уже накануне поездки.

– Да, уезжаю! И очень волнуюсь за собаку! – ответила Анна, прижимая телефон к уху и пытаясь компактно свернуть ветровку.

– Не волнуйся, – заверила Наташа, – Перчика я возьму к себе. Что делать с ним, я знаю.

– Боюсь, не знаешь! – заволновалась Анна. – На столе оставлю рецепты, назначения и телефоны. Телефоны – самое главное. Это контакты врачей в лечебнице. Если что, сразу звони туда. Девочки все сделают!

– Мама, не беспокойся! Я тебя завтра отвезу на вокзал. В дорогу ничего не бери, я тебе привезу вкусенького. И, пожалуйста, не волнуйся из-за собаки.

– Ну как не волноваться?! Сама знаешь, что с ним!

– Мама, поезжай спокойно, мы тут справимся! Тебе что-нибудь купить в дорогу?

– Спасибо, только мне ничего не надо. Я завтра же сажусь на диету, – отвлеклась от собачьих проблем Анна и бросила озабоченный взгляд в зеркало.

– Мама, ты в великолепной форме, – поняв ход мыслей матери, воскликнула Наташа. – Твоей фигуре завидуют все мои подруги.

Анна улыбнулась: слова дочери были приятны.

На перроне у вагона их встретил маленький грустный человек в форменном костюме и большой фуражке.

– Рады, что вы воспользовались нашими услугами, – уныло проговорил он, принимая из рук Анны билет.

– Мы тоже рады, что нам удалось воспользоваться вашими услугами, – ответила Наталья.

– Дочка, все, спасибо, поезжай домой. Сейчас начнутся пробки. – Анна посмотрела на часы.

– Ладно, мама. Хорошо отдыхай, ни о чем не беспокойся. Буду тебе звонить. – Наталья чмокнула мать в щеку и решительно направилась в сторону привокзальной площади.

– Хорошая у вас дочь, – меланхолично заметил маленький проводник, – бойкая.

– Ах, что есть, то есть, – ответила Анна и прошла в вагон. Она не любила, когда кто-то комментировал то, что относится к ней.

Поезд тронулся четко в соответствии с расписанием. Анна, которая в купе была одна, смотрела в окно, за которым мелькал вечерний город. Ее путешествие, о котором она так давно мечтала, началось.

– Чай, кофе. Может, поужинаете? – В дверях возник маленький проводник.

– Чай, если можно, – улыбнулась Анна. – Скажите, почему вагон почти пустой?

– Это случайность, – с достоинством заявил проводник. – Обычно все места заняты.

– Значит, мне повезло.

– Вам – да. Мне – нет.

– Ну работы же меньше!

– И выручки – тоже, – вздохнул проводник. – Кстати, не хотите купить у меня подстаканник? Отличный, мельхиоровый. С эмблемой РЖД.

– С эмблемой РЖД? – неожиданно для себя растерявшись, повторила за проводником Анна, и тот оживился.

– Ну да. И всего тысяча двести рублей. Но я продам за тысячу, – кивнул проводник и, словно фокусник, вытащил из-за спины блестящий предмет.

Анне стало неудобно. Несмотря на жесткость характера, она никогда не умела отказывать. Вот и теперь, вместо того чтобы произнести что-то вроде: «Я не рассчитывала на такие траты!» – Анна совершила грубейшую ошибку. Она взяла в руки подстаканник, стала его рассматривать. И с этого момента стало ясно, что покупка состоится.

– Вот смотрите, здесь есть знак. Он обозначает завод и качество металла. – Проводник неловко ткнул пальцем в воздух рядом с подстаканником.

Анна покрутила предмет в руках. Ей было жалко этого человека, который, как он сам сказал, ничего не заработает, поскольку вагон почти пустой. «Ну ведь все равно буду подарки делать. Может... Может... Одним словом, пригодится. И тяжелый такой. Металла в нем много», – подумала она и достала из кошелька деньги.

– Спасибо, отличная вещь. Иностранцы у нас их пачками покупают. Ну, когда ездят этим поездом. Я вам сейчас чай принесу и конфет, – еще больше оживился проводник.

– Спасибо. – Анна поставила купленный подстаканник на стол.

– Чай – бесплатно. И конфеты. В качестве бонуса. Но у нас есть ликер. В маленьких красивых бутылочках. Он отличный, стоит недорого... А еще есть мороженое и шоколад. Особый, с перцем. Рижское производство. Желаете купить?

– Нет, что вы! За чай и конфеты – спасибо. А вот ликер точно не нужен. – Анна уже устала общаться, тем более общение носило явно коммерческий характер.

Чай проводник принес вкусный, конфет много, и Анна удобно устроилась у окна. Москва уже осталась далеко позади, уже промелькнули ближайшие пригороды, похожие на полноценный город, потянулись поля, луга и островки леса. За окном темнело, а Анна неподвижно сидела и смотрела на них. Если бы кто-нибудь спросил сейчас, что она чувствует, она бы с удовольствием рассказала о своем счастье. Которое испытала именно сейчас, в начале пути, в начале всех начал, до того, как там, куда она так стремится, ее оглушит или разочарование, или изумление. До всех тех открытий, которые предстояли и которые дарят нам путешествия, ее переполнило чувство радости: сбывалось то, что было сладкой и едкой мечтой. «Я такая большая и такая глупая! – внезапно сказала она сама себе. – Расчувствовалась как девица. А ведь просто еду в отпуск».

Легла она поздно, когда поезд остановился напротив какого-то вокзала. «Ржев», – прочитала Анна, поправила подушку и тут же уснула.

Разбудила ее тишина. Колеса не стучали, вагон не качался, не мелькали за окном огни. За окном уже было светло и в тишине раздавались далекие голоса.

– Граница, – постучал в ее купе маленький проводник.

– Как, уже?! – переполошилась Анна.

– Да, сначала наша, а потом сразу латвийская.

– Понятно. – Анна вскочила, натянула джинсы, кое-как заправила постель. Она, еще с давних времен, когда приходилось ездить в дальние командировки, стеснялась этого прилюдного сна, белых распахнутых простыней. Вот и сейчас, когда в купе зайдут незнакомые люди, ей было неловко. Анна быстро подняла полку и вытащила из дорожной сумки огромную темную шаль, предназначенную для прогулок летними вечерами. Шаль она накинула поверх одеяла, и купе сразу стало строже.

– Здравствуйте, ваши документы, – вошедшие были приветливы, – ничего запрещенного не везете?

– Что вы, зачем? – улыбнулась Анна.

– Ну мало ли, – туманно ответили ей и вручили паспорт с отметкой.

Все то же повторилось спустя сорок минут. Точно так же в купе заглянули люди, точно так же улыбнулись, задали вопросы и точно так же поставили отметку в паспорт. Анна услышала, как одна из девушек-пограничниц по-латышски поинтересовалась у старшего по званию:

– Багаж смотреть будем?

– Пожалуйста. – Анна вскочила со своего места еще до того, как старший что-то ответил.

– Вы знаете латышский? – удивились те.

– Да, я долго жила здесь, – смутилась Анна, словно скрыла что-то важное от представителей властей.

– Добро пожаловать! Поезд чуть опоздает, вы успеете еще поспать, – улыбнулись ей.

Анна закрыла купе, съела конфету, лежащую на столе, и опять легла.

Спустя несколько часов из поезда Москва – Рига вышла миловидная женщина лет пятидесяти. Под дробный стук колесиков маленького чемоданчика она прошла стеклянные двери и очутилась на привокзальной площади. Тут женщина остановилась и глубоко вздохнула. Воспоминания ее не обманули – здесь пахло точно так же, как пахло много лет назад: угольным брикетом, кофе и зеленью парков. «В воспоминаниях главное запахи и звуки, а потому я не поеду на такси. Я поеду на электричке», – подумала Анна и свернула к пригородным кассам.

Электрички ходили часто, и через двадцать минут перед Анной проплыл тот самый открыточный вид Риги – с башенками, шпилями, желтыми стенами замка. Анна мельком взглянула на него, улыбнулась соседям-попутчикам, потом открыла купленную на вокзале городскую газету и углубилась в чтение. В жизнь этого места она вошла легко и, как ни странно, без обязательного для подобной ситуации вздоха: «Ах, сколько лет прошло!» Она приехала сюда, чтобы прожить это отпускное время так, как жила когда-то, много лет назад – между темным, узким, вытянутым вверх городом, который сдерживал своими пространствами шаг, и широким, светлым безмерным побережьем, где серая вода моря подчеркивает белизну песка. И для того чтобы вспомнить ту жизнь и повторить ее, оказалось достаточно просто вздоха, одного взгляда когда-то привычного маршрута.

Улица Йомас, с мелким песком и сосновыми шишками под ногами, почти не изменилась. Конечно, на ней, центральной пешеходной улице Юрмалы, куда приехала Анна, появились новые рестораны и кафе, новая реклама, другие скамейки и фонари. Но вот этот угловый дом с коричневой башенкой и эта дача с витражными дверями, и этот зеленый дом с простым деревянным фасадом и узкими окнами – все это сейчас, в две тысячи девятом году, выглядело точно так же, как и тогда, в семьдесят седьмом году, когда Анна уезжала в другой город.

Улица Йомас почти не изменилась. И здесь никуда не исчез запах расплавленной солнцем сосновой смолы, хвои, влажного песка и заключительным аккордом – запах моря. Все это смешивалось в причудливый аромат, свойственный только этой улице, только этим местам и только ее, Анны, детству.

Анна на мгновение остановилась, зачем-то прочитала меню ближайшего кафе и потом, даже не заглядывая в бумажку, которую ей вручили в туристическом агентстве, решительно направилась в один из переулков. Там, в самом его конце, на высокой дюне располагался отель.

Когда-то здесь было множество таких домов. Деревянные, с волнообразными переплетами окон, разноцветными стеклами, с башенками, замысловатыми крылечками и накладным декором на фасадах, они сочетали сразу несколько архитектурных стилей. Анна помнила, что в ее детстве и юности, которые пришлись на начало шестидесятых и середину семидесятых, все построенное бережно сохранялось. А если и ремонтировалось, то вплоть до реечек, которыми подчеркивались окна, повторялось и воспроизводилось в точности. И сейчас, пока она шла мимо дач, ей было приятно узнавать все то, что когда-то окружало ее. «Это невероятно! Словно не прошло столько лет, словно не уезжала я отсюда!» – подумала Анна, открывая тяжелую дверь отеля.

«О нет, уезжала. И приехала совсем другой». В полумраке холла она разглядела себя в зеркале, и те тридцать три года, которые пролегли между «тогда» и «сейчас», избавили ее от иллюзий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.